

Павел Казиев

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

РОДОМ
ИЗ ДЕТСТВА

Павел Казиев
Человеческие истории.
Родом из детства

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8223271

Аннотация

Все мы родом из детства.

Откуда ты, мальчик? Откуда ты, девочка? Как ответить на этот вопрос, если мальчику или девочке уже сорок лет?

А часто ли мы вспоминаем, откуда мы родом?

Часто ли мы вспоминаем свое детство?

А что такое детство?

Когда оно начинается?

Думаешь, с рождения?

Вот ты родился и сделал первый вдох, потом был первый крик. И все, ты – ребенок, и детство началось?

Нет. Мне думается, что до детства есть еще одно прекрасное время – младенчество. И ты, конечно, уже ребенок. Но все же ты больше грудничок, младенец, лялька. И это все-таки еще не детство.

А когда же начинается детство? Мое глубокое убеждение, что детство начинается с игры. С особенной игры...

Ведь играл ты и раньше. Но что это были за игры? Был Ты и игрушка. Был Ты и погремушка, мячик, шарик, каруселька. Ты хватал, тянул, тряс, бил и обязательно все проверял на вкус. Ты изучал, слушал, пробовал, тестировал. Но все это был Ты.

А как-то раз ты проснулся и...

Содержание

Часть I	5
Принятие	5
Каприз	11
Тихо	20
Прощение	38
Мадина	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Павел Казиев

Человеческие истории.

Родом из детства

Часть I

Принятие

Они расстались несколько месяцев назад. Без ссор, без криков. Он уехал работать в Европу и даже не подумал позвать ее с собой. Ничего не объясняя, он собрал вещи и сказал, что уезжает, что приезжать к нему не надо. Писем он читать не будет, на звонки не ответит. Его размышления в последние несколько дней подвели окончательную черту под их отношениями...

Первые три недели она не находила себе места. Безответно звонила ему. Порывалась даже поехать, но не то чтобы не решилась – она понятия не имела, куда именно он уехал. Его родные и друзья молчали как рыбы. По большей части потому, что и сами не знали.

Потом горечь расставания стала притупляться, уступая место бездонной скуке и отчаянной грусти.

Первой ее мыслью было забытья в других отношениях, но намерения на деле сталкивались с нежеланием сердца отдаваться другому.

Нельзя сказать, что она любила его до беспамятства, но это была та трепетная привязанность, та наивная вера в вечную любовь, разочарование в которой выбивает почву из-под ног внезапно – так, как обескураживает смерть близких людей.

Она не чувствовала отвращения к другим мужчинам, но упорно смотрела сквозь них, как водитель смотрит сквозь мокрое лобовое стекло на дождливую петербургскую осень.

С тупым холодным безразличием она искала только его, всматриваясь в лица прохожих на ветреных улицах теперь дико мрачного для нее города. Она искала его в любимых ими кафешках, в музеях, куда они частенько выбирались вместе. Проплывая как туман по залам Эрмитажа, она выхватывала лишь врезавшиеся в ее память черты его лица. Она улавливала отдельные штрихи его образа в совершенно разных, непохожих как на него, так и друг на друга людях. Разочарованная и окончательно вымотанная, она садилась у картин Петрова-Водкина и бесцельно, мучительно долго всматривалась в эти плоские, незамысловатые сюжеты.

На четвертый месяц после их расставания она встретила его, слоняющегося между колонн Казанского собора.

Она долго наблюдала за ним: та же челка, улыбка, походка, движения, и одет он был почти так же, как в день отъезда.

– Почему ты здесь? – спросила она его.

– Я здесь часто гуляю. Мне здесь нравится. От дома недалеко, – ответил он.

Он был удивительно похож на него. Его выдавал только взгляд. Вернее, глаза. Взгляд был тот же, а в глазах читался очень похожий, но другой мир. Она упорно не хотела этого замечать. И вот они уже медленно шли вдоль канала в сторону Летнего сада. Подолгу сидели на скамейках, часами прогуливались по набережным многочисленных каналов так любимого ими города...

Они встречались все чаще и чаще, но вместо радости от этих встреч у нее стало появляться настораживающее ощущение, будто ее сердце окутывает тяжелый густой туман. Вскоре она практически перестала слышать свое сердце сквозь эту пелену, обернувшую все ее чувства в тяжелое влажное одеяло.

Она отчетливо ощущала лишь тревогу, что может потерять его вновь. Она привыкла быть с ним. Он был так похож на него. Но, несмотря на это, она не могла назвать себя счастливой. Грусть постоянно напоминала о себе.

По вечерам она не скучала по нему. Шла на встречу с ним по привычке, как заядлый курильщик закуривает сигарету в каждую свободную минуту.

Остановиться, обдумать, осознать происходящее было страшно. Вагончики катились по инерции, и только стук колес отдавался где-то в глубине: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

«Главное – не останавливаться. А то всё. Снова крах. Снова одна...» – говорила она себе.

– Я люблю его. Обязательно. Надо только немного подождать. Он очень хороший, – убеждала она подруг.

Подруги наперебой кидались давать советы, делиться рекомендациями. То одна, то другая настоятельно советовала ей обратиться к «очень хорошему и проверенному специалисту» – то к психиатру, то к психологу, то к психотерапевту. Нет, сами они не обращались. У них, конечно, не было на то причин. Но вот знакомые и знакомые знакомых очень рекомендовали.

– Прекратите это! – срывалась она на крик. – Я не больная! Я просто хочу любить и быть любимой! Что тут непонятного?! Отстаньте от меня! Все!

Но по вечерам ей по-прежнему было трудно уснуть.

Однажды Алиса, лучшая подруга, в который раз засидевшись допоздна на кухне, осторожно протянула ей визитку.

– Очередной мозгоправ, который меня вылечит? – с вызовом спросила она у Алисы.

Алиса прекрасно понимала, что именно пугает подругу. Несколько месяцев назад она была на ее месте.

– О, нет. Это коуч. Я сама ходила к нему. Он удивительный. Просто поговори с ним.

– Кто? Коуч?

Алиса встала. Театрально выставила вперед правую ногу

и, вскинув руку, нарочито пафосно продекламировала:

– Коучинг... для здоровых людей, которые хотят сделать свою жизнь радостнее... а главное... достичь желаемого с удовольствием... – Алиса явно цитировала фразу из рекламной листовки.

Они рассмеялись. Бутылка вина подходила к концу.

– Пообещай мне. Один раз. А там сама решишь, – сказала Алиса.

– Я... подумаю, – уклончиво ответила она.

А бессонные вечера все продолжались. И где-то глубоко и неуверенно зрело понимание, что нарастающие чувства сомнений и тревожности, выливающиеся в ночные сны с общим смыслом «Что-то не так», рано или поздно подведут ее к зеркалу, и отражение, опустив глаза, скажет: «Да, подруга. Твоя жизнь уходит из-под ног».

Прошел месяц, прежде чем она постучала в его дверь...

– Чего ты хочешь? – спросил он ее.

– Любви и счастья, – ответила она, не поднимая глаз. Он молчал...

– И я недовольна тем, что есть сейчас... – добавила она.

– Где твоё *сейчас*? – мягко спросил он.

Она взглянула на него с подозрением. Поняв, что он не шутит, увидев в его глазах неподдельный интерес, – она заговорила.

– Сейчас... и каждое утро... я на своей кухне... открываю сушилку над раковиной... и меня там встречают... все та же одинокая чашка с блюдцем и маленькая ложечка... они ждут меня с вечера... только они...

Он молчал...

– Мне очень одиноко... Я больше так не могу... – добавила она.

Потом было много вопросов про «Важность» и «Выбор», про «Желание» и «Необходимость», про «Принятие» и «Безусловность», про «Должен» и «Надо». И еще очень многое.

В ответ были слезы и крики. Были обвинения в непонимании и мольбы о помощи. Были требования научить и сказать «как». Было сопротивление, и были оправдания. Были злость и обида. Жалость к себе. Были и улыбки, радостные озарения и смех сквозь слезы. И еще очень многое.

Уходя, она уже знала, что сделает, когда вернется домой.

Она зайдет на кухню, откроет сушилку и скажет:

– Привет, мои любимые! Давайте попьем чай...

Каприз

– Я же люблю его, – вновь произнесла она.

Он молчал, краем глаза наблюдая, как она теребит в руках носовой платок.

«Странно, – подумал он, – все уже перешли на бумажные платочки и салфетки, а она постоянно приходит с этими расписными матерчатыми...»

«Стоп! – осек он себя. – Ты опять уплываешь. Не отвлекайся так сильно на эти детали. Держи себя в процессе!»

Но держать себя было трудно: он уже слышал ее историю и чувствовал, что она опять пошла по кругу.

– Мне надо как-то это решать, – она наконец прервала тишину.

«Странно, – подумал он, – как можно *решать* любовь?»

– А *это* – это что? – спросил он.

– Эту ситуацию.

– Что для тебя стало бы решением?

– Точка.

– Можешь поподробнее?

– Ну, если бы я смогла поставить смысловую точку в этой ситуации. Прежде всего для себя.

– Что тебе мешает?

– Мне мешает то, что он не понимает моих чувств.

– Тебе кажется, что он не понимает твоих чувств к нему? –

переспросил он.

– Да, да! Мне *кажется*, – язвительно ответила она.

Он услышал звон струны внутри себя. «Отлично, кажется ее тон задел мое самолюбие. Главное сейчас – не показать этого. Дыши...»

– На прошлой нашей встрече ты сказала, что он уже ответил тебе отказом, так?

– Да.

– И, как я понял, для тебя в этом самое обидное и страшное не то, что он отказал, а то, что тебе кажется, что он не понимает твоего состояния и твоих чувств к нему... – По ее внимательному взгляду и чуть заметным кивкам он понял, что направление выбрано верно, и продолжил: – И если бы ты увидела, что он понимает тебя и твои чувства, то ты бы смогла закрыть для себя эту ситуацию, поставить точку и двигаться дальше?

Она задумалась. Ее кольца наконец перестали прыгать с пальца на палец, и даже платочку удалось слегка высвободиться из цепких объятий.

«Еще бы, – корил он себя, – такого нагородил. Когда же ты научишься задавать простые и лаконичные вопросы? А от подобных тирад любой впадет в ступор на пару часов».

«Ты еще долго собираешься бичевать себя или за клиентом, наконец, следить будешь? – строго прервал его размышления какой-то внутренний голос. – Разбор полетов устроишь, когда она уйдет. А сейчас, будь добр, все внимание на

нее».

Но она молчала...

«Я задал вопрос и должен получить на него ответ. Надо научиться пережить эту тишину и держать паузу. Это ведь то, к чему я стремлюсь. Это ведь одно из отличий новичка от профессионала».

«Давай-давай, – сказал внутренний голос, – иди по граблям, сейчас начнешь опять домысливать, что она там про тебя думает, и довольна ли она результатами, и хороший ли ты консультант, и какое количество встреч она еще к тебе проходит... Ты заметил, как изменилась ее поза? – сурово продолжал внутренний голос. – У нее полным ходом процесс идет, а тебе все не сидится, все торопишься куда-то».

– Да! – вдруг сказала она. – Да, именно так. Мне сложно объяснить, почему от этого станет легче, но это так.

«Стоп! Тихо! Сидеть! – внутренний голос был настороже. – Чего это у тебя сердце так запрыгало? Молодец, паузу выдержал. Но не ведись на это. Океан будешь переплывать как-нибудь потом, оставайся на берегу и сейчас держись в рамках задачи».

Ему хотелось пойти за этим ее «сложно объяснить почему».

– Хорошо, – сказал он ей, – что тебе может помочь увидеть, что он понимает то, что ты чувствуешь? Что должно произойти? Он что-то должен сделать или сказать?

Он был жутко недоволен собой. Три вопроса за раз. Про-

сто как пулемет. Еще и альтернативный вопрос в конце. Хуже только начать давать советы.

«Кончай ныть, – сердился внутренний голос, – следи за ней. Видишь, как она теребит бусы. Заметь, что творится с бедным платочком. Явно ищет какие-то решения. Смотри, как она сосредоточена».

– Я не вижу, что он может сделать, а просто сказать – для меня будет явно недостаточно.

– Тогда что?

– Что-то среднее, – ответила она и закусила губу.

«Отлично, – подумал он, – мы куда-то, но движемся».

– Что бы это могло быть?

– Если бы он мне сказал... Но... Каким-нибудь другим способом... Не простыми словами, – задумчиво проговорила она.

Она взрывала ему мозг. Чего она хочет от него? Чего она хочет от того парня? Чего эти женщины вообще хотят от мужчин? Откуда они там прилетели, с Венеры?..

«Два балла! – взорвался внутренний голос. – Просто два балла! Когда же ты уберешь себя из процесса?! Будь зеркалом. Ну не стой у тебя задача понять. Не пытайся понять, чем это ей поможет, она сама все найдет. Дыши ровнее».

– Что могло бы быть этими не простыми словами для тебя?

– Что-то, что заставило бы его попотеть.

– Например?

Она задумалась...

«Попотеть, – сердился он, – помучить его хочет. Милое, красивое... и такое кровожадное создание».

«Встал и вышел! – закричал внутренний голос. – Совсем с ума сошел?! До оценок опустился?! Включил тут мужскую солидарность, марсианин хренов».

Он аж вздрогнул, когда она, почти подпрыгнув на стуле, резко сказала:

– Есть. Придумала!

– Отлично! Поделишься?

– Да, конечно. Пусть это будет ответ в стихах. Пусть напишет мне стихотворение, где я увижу, что он понимает меня, понимает, как Я смотрю на это, как Я чувствую эту ситуацию.

– Что ты тогда почувствуешь?

– Я почувствую, что от меня не отмахиваются как от мухи, а действительно...

Она зависла, и только палец машинально продолжал бесконечно наматывать на себя светлый локон ее волос.

– А действительно что? – не выдержал он.

– А действительно видят во мне только друга.

– А он сможет?

«А тебе-то что? – негодовал внутренний голос. – Чего это ты за него так беспокоишься? На себя рубашку примеряешь, что ли? Ты еще отговори ее – спаси мужское братство. Ты

сейчас чьи задачи решаешь?»

– Напряжется, – дерзко и с вызовом в голосе ответила она. – Хочет остаться друзьями, пусть поработает на эту дружбу.

– Что ты сейчас чувствуешь?

– Я думаю, что нормально. На днях его увижу и озадачу.

– Хорошо. А чувствуешь-то ты сейчас что?

– Радость, облегчение, – но в ее голосе не пропала еще нотка злости.

«Я помню, помню, – сказал он своему внутреннему голосу. – Океан переплыть будем как-нибудь в следующий раз».

Время сессии подходило к концу, и надо было завершать.

– Хорошо. Что ты собираешься сейчас делать?

– Я поговорю с ним. Пусть сочиняет мне объяснительную, – она улыбнулась.

Улыбка была искренней, и он понял, что сегодня действительно можно остановиться на этом.

– С чем ты придешь на следующую сессию?

– Со стихотворением, – засмеялась она.

– Я буду ждать, – сказал он, наблюдая, как она аккуратно складывает свой платочек.

Он уже и думать про нее забыл. Почему-то решил, что больше она не появится. Но она позвонила. Четвертая сессия была назначена в том же месте.

Он приехал пораньше и уже допивал свой кофе. Встретаться в кофейне было не лучшим вариантом, на территории клиента – тем более, а личным кабинетом он еще не обладался.

По утрам зал был пустой, и это сильно упрощало задачу. Она вошла вовремя. Походка быстрая, уверенная, твердая и легкая одновременно.

«Да, – сказал он себе, – изменения налицо».

Более того, во время сессии он отметил, что она кокетничает с ним, беззаботно смеется, подкалывает его... Дышит полной грудью и с интересом смотрит по сторонам, шутит с официантом. Платочек мирно покоился на краю стола.

Когда она ушла, он попросил еще кофе... Потом еще... Он был рад за нее. Горд за себя. Но ничего не понимал... Странные эти женщины.

Перед ним на столе лежала чуть помятая ксерокопия:

*Однажды тихо шел он вечером,
Шел, как обычно, весь в себе.
Не думал он о чем-то вечном*

*И о проблемах позабыл.
И не заметил, как она прошла.
Она прошла, взглянув украдкой.
Но также был он для нее загадкой.
Он также думал о своем,
Она мечтала лишь о нем.
И не понять ей было дум его...*

*А он ее не замечал
И только больше удивлял
ее
Своею тихостью, немного скрытностью
И глубиной печальных глаз.
Она хотела в них нырнуть,
Забиться там и утонуть,
Прилечь на дно и наслаждаться
Покоем тихим, не мирским,
Но продолжала оставаться
Пока не принятая им...*

Перечитав стихотворение в третий раз, он аккуратно сложил и убрал его в карман.

Что она в нем нашла? Что она увидела в этих простых строчках? Что для нее было важно на самом деле: понимание; стихотворная форма; чтобы кто-то *попал*? Что-то еще?

Он никак не мог понять.

А внутренний голос уже спокойно и без раздражения объ-

яснял ему: «Не пытайся понять. Не ставь это первоочередной целью. Результат достигнут, и в этом есть твоя заслуга. Научись принимать людей как они есть. Научись любить своих клиентов и доверять им».

Он ничего не понимал... Хотя как раз это он понимал и очень хорошо осознавал, а значит, есть куда идти, куда расти.

Он был рад, что остался стоять на берегу Океана...

Тихо

Жарким июльским днем он, поворачивая с Потемкинской на Шпалерную, увидел голосующую фигуру. Худой высокий мужчина лет тридцати. Подвозить попутчиков было совсем не в его правилах, но непонятное чувство заставило остановиться. Чтобы как-то оправдаться перед самим собой за столь импульсивный поступок, он отнес ситуацию к категории положительного переноса. На том и была пока поставлена запятая.

– Вам куда? – спросил он голосующего.

– В Пулково подбросите? – Незнакомец назвал цену.

«Ох как, – подумал он, – не ближний свет».

Но все то же непонятное чувство заставило его согласиться. До вечера особых дел не было. И вскоре под музыкальное сопровождение радио они катили по направлению к аэропорту.

Пока он думал о природе положительного переноса и о том, какой же из них пять минут назад побудил его посадить к себе в машину этого незнакомца, последний решил поделиться насущным.

– Красивый у вас город, – сказал попутчик, – нравится мне к вам приезжать.

– Вы у нас не в первый раз?

– Нет. Последнее время часто бываю здесь в командиров-

ках.

– А чем занимаетесь?

– IT-сфера. Системы безопасности в основном.

– А сами вы откуда?

– Город N.

– Тяжело, наверное, когда командировок много? – спросил он, заметив обручальное кольцо на пальце пассажира.

– Вообще, есть неудобства, но я здесь и свои, так сказать, личные задачи решаю.

Пока он думал, будет ли уместным продолжать расспросы или формат светской беседы на этом может быть исчерпан, попутчик неожиданно произнес:

– Знаете, мне очень хорошо думается здесь. У вас в городе очень успокаивающая атмосфера, настраивающая на размышления. Здесь как будто все подкидывает тебе ответы.

Попутчик замолчал. А он почувствовал нарастающую волну любопытства: интересно, о чем этот мужчина приезжает сюда подумать? Его так и подмывало задать этот вопрос, но он видел, что пассажир, у которого явно накипело, и сам не собирается молчать оставшуюся часть дороги. Он решил подождать. «Потренируем пока профессиональные навыки, – сказал он себе, – будем учиться держать паузу».

Его прогноз оказался точен. Пассажир вскоре вновь заговорил:

– Какое-то странное ощущение потерянности в жизни,

как-то тихо все. Командировки к вам хоть немного колыхнут воздух вокруг. Видимо, смена обстановки пробуждает во мне бурный мыслительный процесс. Ну и вообще... Красиво у вас тут, спокойно.

Его всегда удивляли такие люди. Люди, которые могут первому встречному рассказывать о подобных вещах. Он слышал истории, как случайные попутчики в поездах и электричках за пару часов успевали выплакать друг другу всю свою жизнь, жали на перроне руки и расходились как в море корабли. Хоть он и занимался консультированием, но все же не привык к таким скорым откровениям вне сессий.

Тут в его голову закралась мысль. Сначала она просто промелькнула, но через время вернулась и решила пустить корни: а не сидит ли рядом с ним его будущий клиент?

– Я Дмитрий, – решил представиться он.

– Да-да, – смутился попутчик, – с этого, наверное, надо было начать. Меня – Николай, – сказал он, протянув руку.

– Так о чем вы тут размышляете, Николай? – перешел Дмитрий в наступление.

Он снова взглянул на обручальное кольцо пассажира, и это не осталось незамеченным для Николая.

– Нет-нет, – снова смутился он, – с этим все в порядке. Я больше про свое внутреннее ощущение жизни.

Дмитрий не упустил возможности отчитать себя за то, что не стóбит так уж открыто разглядывать случайных попутчиков. Затем отчитал себя за излишнюю критичность и стро-

гость к самому себе. Но, тем не менее, продолжил:

– Да? И что с ним не так? С вашим внутренним ощущением.

– Да вот я и говорю, тихо как-то все в моей жизни... скучно стало. Перспективы, что ли, нет. Не пойму. Вот и радуюсь командировкам к вам, есть возможность отвлечься, подумать. – Николай засмеялся.

«Да, ему точно ко мне», – решил Дмитрий. Он даже сбавил скорость, чтобы дать себе больше времени.

– Николай, а когда вы к нам в следующий раз? – аккуратно спросил он.

– В середине августа. У нас тут проект по внедрению наших программ в одном из банков... А мы, случаем, не коллеги, вы не айтишник?

Дмитрий ликовал: лучшего вопроса просто не могло быть. «Отличный вопрос, и как раз к месту», – воодушевился он.

– Нет. Я из другой области. Вы слышали, например, о коучинге, психотерапии?

– Да, слышал. Думаю, что в общих чертах понимаю. Так вы коуч?

Дмитрий порадовался за продвинутый город N. И возможности слазить в карман за своей визитной карточкой.

– Да, я занимаюсь психологическим консультированием. Коучингом в том числе. И то, что я услышал от вас, Николай, я про ваши раздумья, это очень хорошо ложится на то, чем я занимаюсь. Я уверен, что смог бы помочь вам продвинуться

в ваших размышлениях. Как вы смотрите на то, чтобы нам встретиться, когда вы приедете сюда в следующий раз? В каких числах вы здесь будете?

Дмитрий сильно переживал. Не переборщил ли он с напором? Не слишком ли навязчив? Умом понимал, что не переходит никаких границ. Но на уровне чувств предлагать человеку свои услуги всегда было тревожно.

Николай же ушел в себя. Повисла опасная пауза. Его предложение не должно было вот так просто раствориться в воздухе. Дмитрий беспокойно искал способ развить эту ситуацию. И при этом не подать виду, что его что-то волнует в этой тихой паузе. Он активно вертел головой во все стороны, по пять раз бросая взгляд на боковые и заднего вида зеркала, – пытался показать, что все под контролем и сейчас он вновь вернется к разговору, просто что-то движение стало плотнее и какая-то тонированная «девятка» навязчиво пытается влезть в его ряд...

«Что за спектакль ты тут разыгрываешь? – спросил он себя. – Хватит изображать Джеймс-Бонда-Коуча, уходящего от погони своего собственного эго. Закончи начатое. П-р-о-с-т-о закончи».

– Николай, над чем задумались? – просто спросил он.

– Я? – рассеянно откликнулся Николай.

«Нет! Вон та собачка в соседней „мазде“! – молча воскликнул Дмитрий. Его начинала цеплять медлительность этого флегматичного субъекта. – А ты чего думал? Чего хо-

тел? – ругал он себя. – Что он сейчас достанет свой кошелек и отсчитает тебе за десять сессий вперед? Только за то, что ты... Что? За что? За то, что ты The Coach? За то, что ты захотел ему помочь? Давай-ка побольше принятия в эмоциях».

– Да, Николай. Вашими словами, я предлагаю вам «всколыхнуть воздух» вокруг вас, – произнес он вслух уже спокойно.

«Как мило, – язвил он над собой, – вернул слова клиенту. Элегантен, как медведь в пуантах». Самокритики Дмитрию было не занимать.

Но Николай задумался.

– Колыхнуть воздух, – тихим эхом повторил он.

Кажется, этот образ пришелся ему по душе. Конечно, это ведь был *ego* образ. Сложно противиться своим же словам.

– И как обычно проходят эти встречи? – спросил Николай.

«Есть! – едва заметно Дмитрий сжал руль и придавил на газ. – Точка пройдена. Осталось только закрепить успех».

* * *

– Я уже на подходе. Сейчас поднимусь к вам, – услышал он голос Николая в телефоне.

На часах было ровно 19:00. К этому времени офис успел опустеть, и переговорные комнаты были в его полном распоряжении. Дмитрий отправился проверить, не забыл ли там

кто-нибудь свои бумаги, а заодно расставить стулья, убавить кондиционер, принести воду. Коробку с салфетками поставил за жалюзи. Вряд ли они понадобятся в этом случае, но он любил, чтобы все было под рукой. Мало ли что.

– Николай, я предлагаю перейти на ты, как вы на это смотрите? – начал он.

– Да, конечно. Так, наверное, будет удобнее.

– Есть что-то, что ты хотел бы уточнить перед началом нашей работы? – Он на секундочку задумался. Работа? Может, лучше было бы сказать «нашей встречи» или «нашей сессии»? Нет – все правильно. Пускай сразу настраивается на то, что мы здесь именно работаем, а не ведем праздные беседы.

– Нет. Того, что мы оговорили по телефону, пока вполне достаточно, – ответил Николай.

– Николай, тебе комфортно то расстояние, которое сейчас между нами? – спросил он, все больше растворяясь в пространстве.

– Да, – ответил Николай.

Однако чуть придвинул и повернул свой стул.

Дмитрий отметил, что руки его клиента напряжены и неестественно упираются в подлокотники. Отнес это к стандартной степени волнения перед неизвестным и дал себе две-три минуты на наблюдение: если напряжение не ослабнет, на это надо будет обратить особое внимание.

– Тогда давай начнем. Расскажи о том, что тебя беспокоит, – приступил он.

– Да как-то нет такого, – неуверенно сказал Николай.

«Слишком прямолинейно, – корил себя Дмитрий, – хотя его сопротивление в самом начале вполне понятно».

– Хорошо. О чем бы ты хотел поговорить? – уточнил он.

– Ну-у-у, не знаю. Ничего не приходит в голову, – медленно и растянуто произнес клиент.

«Понятно. Не ново. Сопровитвляемся, значит, – подумал Дмитрий. – Ну что же, начнем раскачивать лодку».

– Николай, над чем бы ты хотел поработать в течение этой и наших последующих нескольких сессий? – настойчиво продолжал он.

– Да как-то не приходит ничего в голову, – последовал смущенный ответ.

«Сопровитвляется? Или действительно не осознает? Бегаёт или ленится? – пытался понять Дмитрий. – Ладно, попробуем с другого бока».

– Что бы для тебя стало результатом наших встреч? – спросил он и отметил, как руки его клиента переместились на колени, а сам он откинулся на спинку стула.

«Отлично, – подумал Дмитрий, – он входит в процесс». Но Николай входил в процесс молча. Он просто сидел и молчал.

– Николай, над чем думаешь? Можешь думать вслух? – прервал он тишину.

– Да вот все никак не могу сформулировать, – последовал расстроенный ответ.

Дмитрий изо всех сил пытался вспомнить их разговор в машине. О чем он говорил тогда, чему он предложил помочь?

– Как я помню наш разговор в машине, ты говорил что-то о разочарованности в жизни, об отсутствии перспектив. Так? Поправь меня, пожалуйста, если я в чем-то неточен.

– Да, в общих чертах так. Как-то все скучно и тихо... – согласился Николай.

Тихо. Точно! Ему и тогда это слово резануло слух. «Тихо» – что это за странное описание своих чувств и ощущений?

– Вот-вот. Расскажи об этом подробнее. Как ты ощущаешь это «скучно и тихо»? – подступал он потихоньку.

* * *

Дмитрий сидел один в пустой переговорной комнате. Николай ушел двадцать минут назад. А он все сидел и не мог собраться с мыслями. Он был крайне расстроен, раздосадован этой сессией. Они так и не определились с запросом, с тем, над чем будут работать дальше. Странное сочетание: с одной стороны, Николай явно хотел работать, он старался искать ответы, напрягался, он был настроен на то, чтобы думать, искать решения. Все его защиты и сопротивления были из области неосознанного. Дмитрий возвращал и показы-

вал это своему клиенту. Тот видел, соглашался и понимал. С другой стороны, Николай только и делал, что говорил: «я не знаю», «я не понимаю», «не могу сформулировать», «не то», «не так» и т. д. Не помогли ряд техник и приемов. А на работу с субличностью Николай посмотрел совсем уж косо.

Дмитрий еще раз перечитал сделанные по ходу записи. Николай доволен своими отношениями. Они с женой планируют детей. Он любит свою работу. Увлечен ею. Менять ее не хочет. Он неплохо зарабатывает. Он свободно говорит на двух языках. У него есть друзья. Много друзей по всему миру. Он активно с ними общается. Чего еще ему надо?

И это его «тихо». Это слово постоянно всплывало в разговоре. Дмитрий никак не мог понять, что скрывается за этим «тихо» для его клиента. Что этот маркер нес за собой? При попытках развернуть значение этого «тихо» Николай уходил в глубокий ступор. Клиент и сам всё видел, но ничего не мог с этим поделать.

«Может, это и неплохой результат, – думал Дмитрий. – Мы нашли загвоздку, нашли его ступор. Это „тихо“ и есть та точка зависания, с которой стóит работать. Методично и аккуратно разворачивать это его „тихо“. Как бы оживлять его», – на последних словах он улыбнулся. Кажется, понятно, с чем работать на следующей встрече. Что же, итог все-таки есть.

Шла очередная сессия...

– Николай, можешь вспомнить, когда в твоей жизни первый раз появилось это ощущение «тихо»? Когда ты впервые почувствовал его?

После длительного раздумья Николай произнес:

– Не помню точно. Видимо, в студенческие годы. Да, наверное, когда я был студентом.

– Когда именно, можешь вспомнить точнее?

– Ну, на первом-втором курсе, наверное. Точно на начальных.

«Отлично. Наконец-то после всех этих „видимо“, „кажется“ и „наверное“ прозвучала какая-то определенность», – с радостью отметил про себя Дмитрий.

– Что с тобой происходило тогда?

– Да ничего особенного, сидел целыми днями на этих лекциях. Слушал что-то. Писал.

– Ты уже был к тому времени знаком со своей женой?

– Да. Но только она еще не была моей женой.

– Но ты говорил, что в принципе уже определился с тем, что хочешь быть только с ней. Так?

– Так, – ответил Николай раздраженно, – я же сказал уже, что жена здесь ни при чем. С ней у нас отличные отношения. Это *моя* проблема. И это ощущение появилось уже после на-

шего знакомства.

«Злись-злись, – радовался Дмитрий, – это хоть как-то выбьет тебя из твоего кокона».

– Тогда что явилось причиной появления этого «тихо» в твоей жизни? – продолжал настаивать он.

– Я не знаю. Мне уже сложно сосредоточиться, – устало мямлил Николай. Время сессии подходило к концу. Дмитрий начинал беспокоиться. Это никуда не годилось. Несколько сессий так топтаться на одном месте неприемлемо. Надо было что-то делать с этим его «тихо». Необходим какой-то скачок, рывок, выход на качественно иной уровень – назвать это можно по-разному. Надо что-то придумать. Но ни одна из техник толком не помогла, и не было гарантии, что поможет какая-то еще из его арсенала. Нужно было что-то совершенно новое. Именно для этого клиента. Он вспомнил изречение кого-то из «бессмертных» про то, что необходимо для каждого клиента изобретать новую терапию. Вот и тут, он чувствовал, нужен нестандартный ход. Что бы это могло быть?

...!!! ...

«Да-а-а, – медленно сказал он себе, – почему нет? Что мы теряем?»

Он явный физмат, пишет программы и занимается IT-безопасностью. Чего стоила одна его фраза, что человек – это «результат математически детерминированных и неизменных физических сил». Он мыслит системно, думает цифра-

ми. Да, это может сработать.

Дмитрий вспомнил одну из своих недавних клиенток, которой доставляло особое удовольствие принуждать ухажеров и прочих лиц мужского пола писать ей стихи по поводу и без. Это воспоминание навело его на мысль: «Почему нет? Позволим себе две минуты директивности».

– Николай, наше время подходит к концу. Я хотел бы дать тебе задание, вернее, попросить тебя сделать кое-что к нашей следующей встрече. Я думаю, это сильно поможет мне в понимании тебя и того, о чем ты мне говоришь. Как ты на это смотришь?

Николай выглядел заинтригованным.

– Что именно? – спросил он.

– Николай, наша очередная встреча будет через неделю, в следующий четверг. Правильно?

– Правильно, – все так же заинтригованно подтвердил Николай.

– Так вот. Что я тебя хочу попросить сделать... Сочини, пожалуйста, стихотворение о своем «тихо». Так и назови его – «Тихо». Но только минимум в три четверостишья, лучше больше. Хорошо? Как ты на это смотришь?

Он еле сдерживал улыбку. Было умирительно наблюдать этот парад эмоций, разворачивающихся на лице Николая. От страха и смятения до восторженности и любопытства.

– Мы должны встретиться в четверг. Поэтому я попрошу тебя прислать мне стих во вторник до семи вечера, чтобы у

меня было время прочесть его и подумать. Хорошо? – продолжал Дмитрий.

Николай все еще был в смятении и пытался вернуть этот фонтан эмоций в ранее отлаженно работающую систему устоявшейся мимики.

– Николай, ты сделаешь это? Я могу на тебя рассчитывать? – продолжал аккуратно подталкивать его Дмитрий.

– Да, конечно. Я попробую... – неуверенно пролепетал Николай.

– Николай? – уже строго произнес Дмитрий.

– Да. Я постараюсь, – клиент наконец сдался.

– Что тебе может помешать? – не унимался Дмитрий.

– Я не умею сочинять. Я не особо представляю себе как, – со страхом в голосе проговорил Николай.

– Но ты сказал, что постараешься?

– Да.

– Это же про *твое* «тихо». Никто другой не сможет сделать этого за тебя, – продолжал Дмитрий.

– Да. Я понимаю.

– Что еще тебе может помешать, кроме твоего страха и неуверенности?

– Ну, может, какие-то другие дела.

– Николай, – требовательным тоном произнес Дмитрий, – ничего страшного, если ты не выполнишь этого задания и не напишешь стихотворение. Просто мы договоримся, что тогда к четвергу ты принесешь мне объяснение минимум на

пяти листах, почему ты этого не сделал, что тебе помешало и что ты при всем этом чувствовал. Договорились? – Дмитрий радовался, что взял деньги за оставшиеся сессии вперед и Николаю теперь будет труднее улизнуть от него.

Фонтан эмоций на лице Николая забил с новой силой. Дмитрий уже не сдерживался и растекся в довольной улыбке. – Договорились, – чуть увереннее ответил Николай.

Сессия была окончена. И Дмитрий наблюдал в окно, как его ошарашенный клиент пошатываясь идет к автобусной остановке.

«Только бы не пошел на попятную. Только бы не испугался», – твердил, глядя ему вслед, Дмитрий.

* * *

Ровно в 19:00 Дмитрий открыл свою почту. Во входящих он увидел письмо от Николая. Оно так и называлось «Тихо», и в скобках было приписано: «как смог».

Дрожащей рукой он кликнул на просмотр и, увидев, что это действительно что-то стихотворное, с облегчением выдохнул. Он был рад за Николая. Тот его не подвел.

Тихо

Тихо лекция шла,

*Тихо писала рука,
Тихо лектор читал.
И студент все внимал.*

*Тихо отправлялся на покой.
Тихо жил он в суете мирской.
Тихо тихую любил
И ее боготворил.*

*Тихо жизнь его летела.
С каждым днем она тускнела.
С каждым днем все тише жил
И ее боготворил.*

*Оба тихо глохли в тишине.
Думая, что в вышине,
Думая, что любят
И никто их не осудит.*

*Их никто не осудил.
Их никто не похвалил.
И не вспомнили о них,
Как не вспомнят о чужих.*

*Тихо жизнь их прошла,
Не оставив и следа????...*

«А тут, Николай, действительно есть над чем подумать, с

чем поработать, не все так просто. Проблема вырисовывается все четче, – обрадовался Дмитрий. – Как смог, конечно, но ведь смог же».

Теперь ему становилось понятно, что тревожит его клиента. Разрозненные кусочки потихоньку начинали складываться в более-менее единую картинку. Он перечитал стихотворение несколько раз. До четверга у него было время все хорошо обдумать. Но фронт работы становился понятен. В длинный темный коридор, в котором он находился до этого, казалось, начал проникать свет, и он стал различать множество дверей вокруг себя. Главное сейчас было не повести клиента за своими умозаключениями, а, держа их в уме, все-таки дать раскрыться ему самому.

Следующие сессии прошли на ура. Они смогли сдвинуться с мертвой точки.

Николай был так доволен и развил такую кипучую деятельность, что им пришлось договориться еще на серию встреч. Хотя они и сократили их сначала до двух, а потом и до одной в месяц. Дмитрий не мог нарадоваться той стремительно разворачивающейся перемене своего клиента от его «Тихо» к его «Громко». Они часто вспоминали «задание со стихом». Сделать то, что до этого не делал. Сделать не как обычно, по-другому. Выйти за свои привычные рамки. Не пойти против своей модели поведения, а просто дополнить ее.

С их первой сессии прошло уже десять месяцев. Как-то, проверяя вечером почту, Дмитрий среди прочего увидел письмо с темой «Громко». И стояло штук двадцать восклицательных знаков. Письмо было от Николая.

К письму прикреплялся пэдээфовский файл с рекламной брошюрой «Международная IT-конференция. Город Прага, Чехия».

От России спикером выступал Николай: «Развитие систем безопасности в условиях ограниченной нормативно-законодательной базы».

Залы, рассчитанные не менее чем на пятьсот делегатов, сцена, микрофоны, съемки, дискуссионные сессии, круглые столы.

«Да, это действительно *громко*, – радовался Дмитрий, – теперь, Николай, тебя обязательно услышат...»

Надо будет позвонить, поздравить его с громкими успехами.

А сейчас пора пойти проверить переговорную комнату. Через пятнадцать минут должен подъехать очередной попутчик...»

ентка, дочка одной старой знакомой. Называла его другом и «дельным советчиком». На сессии выносила буквально каждую мелочь. Могла прийти с вопросом «Должна ли современная женщина ориентироваться в ведущих домах моды и их брендах?» или «Допустимо ли делать мужчинам комплименты?», «Чем увлечься: рисованием или фотографией?» и т. д. и т. п. Она была рада пофилософствовать практически на любую тему. Ее интересовало все, но ничего глубоко...

Он только отстраненно улыбнулся ее непосредственности. Взгляд оставался расфокусированным. Он опять начал уходить в размышления:

*Тебе кажется,
что у меня есть советы
На все твои запросы.
Что я
знаю ответы
На все твои вопросы.
Что я, возможно, помогу
Преодолеть твои
торосы.
А правда только в том,
Что я и сам частенько не знаю.
Что я порой, вот
точно так же убегая,
Печаль свою в свои же слезы пеленая,
Все жду и жду, когда же*

жизнь придет иная...

Мысли скакали, расплывались и ускользали. Голова гудела. Сделав последний глоток, он отправился спать.

На следующий день, ожидая ее, он вновь погрузился в раздумья.

«У нее накопилось столько вопросов... А на каждый ли вопрос есть ответ?..» Вроде как его учили не советовать, не наставлять. «Задавайте вопросы! Задавайте правильные, сущевые вопросы!» – в голове эхом отзывались голоса учителей.

«...Если есть вопрос, на него должен быть и ответ? Есть ли вопросы, на которые нет ответов? Правомерен ли вопрос, на который нет ответа? К чему он тогда ведет?

Вроде как тогда он должен вести к поиску смыслов... И что получается? В поиске смыслов нет ответов, то есть этого же смысла и нет?!

Тогда?.. Смысл в поиске?.. То есть смысл в „процессе“, в „действии“, в „жизни“. А не в статичном ответе.

А люди всё пытаются универсальные ответы себе найти... Но ведь если есть „вечная философия“ с ее „предельными вопросами“ – должны быть и „предельные ответы“... Должны ли быть?..

Черт возьми! Как разобраться в этой полисемантике и отсутствии атомарных смыслов?

Постоянно напевать себе под нос „Let it be, let it be“?.. И пытаться каждую минуту быть открытым этому миру?.. Как понять?..»

В одной из умных книжек он как-то прочитал: «Понимание – это способность найти в чужом что-то свое... или найти самого себя новым в чужом».

«Так что теперь получается? Ищи в этом мире что-то свое... и себя нового?..

Тише. Тише. Успокойся! – похлопал он себя по щекам. – Куда тебя понесло на задворки вселенной? Отпуск уже совсем скоро. Соберись! У тебя же клиент на подходе».

* * *

– Я чувствую, что я одна, – произнесла она.

– И?

– Но в то же время я понимаю (и я согласилась с тобой в прошлый раз), что это моя жизнь и моя игра.

– Ну... – запротестовал было он. – Мы говорили немного не об этом, а...

– А я хочу гармонии. Я хочу любви, – перебила она его.

– Что тебе мешает это иметь? – пошел он за ней.

– Он! – рассерженно произнесла она, энергично стукнув своим маленьким кулачком по коленке. – Он мешает и все портит!

– Как?

– Ну, постоянно обижается.

– Понятно, – улыбнулся он. – В твоей игре есть еще кто-то, и с этим приходится считаться?

Она ушла в себя. Видно было, что вопрос попал в цель и теперь Правда боролась со Злостью.

«Хорошо, – подумал он, – продолжим в твоей терминологии».

– А может, игра не твоя? – спросил он, как только она вопросительно подняла на него глаза.

– Как не моя? – растерялась она.

– У него есть основания для обиды?

Она вроде собралась ответить, но он ее перебил:

– Только честно! Ты ведь для этого здесь?

Улыбнувшись, она вновь ушла в себя. По тому, как сжимались ее губы, было видно, что в ней шла борьба. Но, похоже, в этот раз она пошла за Правдой, а не за Оправданиями.

– Да, кажется, у него действительно есть для этого причины. Наверное, я слишком ревнивая. Но, он...

– Прости, – перебил он ее, – мы сейчас не его обсуждаем. Мы сейчас о тебе говорим.

– Да, – сдалась она.

– И что ты делаешь, когда он обижается?

– Я злюсь!

– Это то, что ты чувствуешь. А что ты делаешь? Как ты это выражаешь?

– Я обижаю в ответ. Объявляю ему бойкот, – расстро-

енно произнесла она.

– Кто придумал эти правила в твоей игре?

– Я.

– Кто по ним играет?

– Тоже я.

– Кого это не устраивает?

– Меня... В первую очередь меня.

– Что думаешь теперь с этим делать?

– Буду менять правила... Иначе это действительно не моя игра.

– Что именно ты будешь менять?

– Надо научиться договариваться. Надо научиться просить прощения... – И, чуть подумав, добавила: – Но это будет непросто...

– Что же тебе может помешать?

«Обида. Гордость. Еще сотня каких-то причин», – мысленно ответил он за нее.

– Только я. Но *как* просить прощения? Это совершенно не мое... Я не умею...

Они стояли на развилке. Можно было пойти по нескольким направлениям.

Чуть задумавшись, он сказал:

– Давай, как у нас говорится, сместим фокус... Как не попадать в такие ситуации, чтобы потом не извиняться?

– А это вообще возможно?

– А тебе это важно?

– Начинается... – она закатила глаза.

– Предложи свой вариант, – невозмутимо ответил он, пожав плечами.

– Ну, видимо, надо не ссориться и не обижаться, не ругаться, быть внимательными друг к другу.

– Что для этого нужно?

– Для этого нужно не злиться и не гневаться почему зря.

– А для этого нужно?.. – он постарался скрыть улыбку.

– Ну, видимо, надо не бояться, – ответила она после долгого раздумья.

Он ликовал. Предыдущие встречи не прошли даром. Она учится. Видеть страх за злостью и раздражением – это уже прогресс.

– А для этого нужно?.. – продолжил он.

– Я так понимаю, нужно не ждать... – рассеянно произнесла она.

Он с улыбкой смотрел на нее. Он молчал. В ее же глазах застыл немой вопрос.

– А как тогда? – не выдержала она – Как жить-то, зачем, для чего – если не ждать, не надеяться? Зачем тогда?

– Это ведь не последняя наша встреча... На чем мы можем завершить сегодня?

– На прощении, – чуть подумав, сказала она. И, уже совсем не сдерживая эмоции, выпалила: – Но как? Ведь если только я увижу, что я ему нужна, что я ему важна, что я что-то значу в его жизни, что он любит меня, я все сделаю для

нас, чтобы все было хорошо.

– Смотри, что я слышу: если он, если он, если он... А ты? Где ты? Я повторю свой вопрос твоими словами: может, игра не твоя? – провоцировал он ее.

– Нет, моя, – сердито отвечала она. – Я понимаю, о чем ты. Я понимаю, что нужно делать, что менять.

Уже прощаясь, она спросила:

– Скажи мне, пожалуйста, только без всяких своих штук, без «Что ты думаешь по поводу этого?» и «Как тебе видится эта ситуация со стороны?», – передразнивала она его.

– Ты же сама знаешь, что это будет неправильно. Мое мнение – это мое мнение. Какая разница, что думает кто-то? – постарался как можно серьезнее ответить он.

– Да-да-да. Это я все знаю, – она не сдавалась. – Но смотри, я все равно уезжаю на месяц, и мы пропустим две наших встречи. А у тебя будет отпуск, будет свободное время. Если бы ты сказал... написал мне свои мысли по этому поводу. Я бы очень внимательно подумала над этим. Может, через месяц вернулась бы с новыми осознаниями. Пусть это будет в какой-нибудь необычной форме, чтобы не нарушать эти твои консультантские правила.

Она была мастером выкручиваться и обволакивать одновременно.

– Хорошо, – сдался он. – Я подумаю...

Позже, проверяя почту, она нашла письмо от него... «В

какой-нибудь необычной форме»:

Он молчал и курил, тихо глядя в окно.
Он тебя не простил. Он забыл про добро.
В нем застряла обида темно-черствым комком.
Он тебя убивает мертвым взглядом в стекло.

Зла на него ты не держи,
Просто пойми и задержи.
Не отпусти, к сердцу прижми.
Словами своими ты лед растопи.

Скажи ему, что он герой.
Скажи ему, что ты одна
И без него дорога тяжела.

Скажи ему, что оба были вы не правы.
Что оба были скоры на расправы.
Что зря трепали нервы для забавы.

Что слишком заигрались вы.
Что закопались в ворохе листвы.
Но, пропустив момент разрыва тетивы,
Не скажешь ты с покорностью: «Увы».

Что ты найдешь на чувства буйные управы.
И как бы ни были обиды те лукавы,
Ты не позволишь ревности отравы
Найти мосты для переправы.

P.S.

И вот когда окажешься совсем «гола»,
И чувствами своими перед ним нага,
И стены гордости своей сожжешь дотла,
Обиду отпустив, хоть та была и тяжела,
Узреть огонь его ты сможешь очага
И там прочесть, насколько ты ему нужна.
Насколько ты ему важна...

«Ух, ты! – был ее ответ на следующий день. – Мы, кстати, уже неделю без ссор. Точнее, девятый день. Это рекорд! Даже скучно как-то...»

Он свернул окно с письмом. Они стояли на развилке. Можно было пойти по нескольким направлениям...

Мадина

Она села напротив меня, положила ногу на ногу. Черные лакированные сапоги, закрывавшие колени, плотно облегли стройные ноги, тоненькая шпилька, казалось, была не менее двадцати сантиметров. Длинные черные волосы. Глубокий вырез на груди украшен массивным золотым кулоном... Не переставая жевать жвачку, она глубоко вздохнула, нарочито небрежно слегка одернула короткое платье, что-то стряхнула с колен и, откинувшись на спинку стула, устремила взор куда-то поверх моего левого плеча.

Хотя время было раннее, складывалось ощущение, что она только что выпорхнула из самой гущи танцпола какого-нибудь VIP-клуба.

Ее звали Мадина. Редкое, красивое имя. По крайней мере я слышал его второй раз в жизни.

Разница в возрасте у нас была от силы в год. Может быть, два. Но это нам не мешало. Не это было главное. Я, по правде сказать, не сразу понял, что для нее являлось главным. Я был коуч. И даже не это было *самым* главным. Я был *ее* коуч. Вернее, даже не так. У *нее* теперь был *свой* коуч, свой собственный. В этом была некая завершенность... для нее. Маленький шагок на пути соответствия. Соответствия чему? Это тоже открылось мне не сразу. Но обо всем по порядку.

Я по наивности своей или еще почему-то отнесся к ней со всей серьезностью. Она так хотела «поработать с коучером», при этом так горели ее глаза на нашей первой встрече. И я, воодушевленный ее энергией, ринулся снимать запрос, выяснять, чем же я могу ей помочь, над чем мы будем работать и к чему бы ей хотелось прийти в итоге.

Ни на один из своих вопросов внятного ответа я так и не получил. В какой-то момент мои вопросы стали ее раздражать. Портили, видимо, все удовольствие от «работы с коучером». В те минуты, когда я переставал спрашивать, вникать и давал себе передышку, стараясь просто уловить смыслы в ее словах, она с утроенной энергией и не без гордости рассказывала мне историю своей жизни. На этом и закончилась первая встреча.

Я был недоволен, ведь так и не понял, в чем, собственно говоря, будет состоять наша работа. Какова будет моя роль. Направление работы осталось не определено.

Она, казалось, была разочарована тем, что ее коуч недостаточно проникался ее историями и все время перебивал широкий полет ее повествования своими навязчивыми вопросами. Поэтому, когда она произнесла, что в следующий вторник будет снова готова приехать ко мне, я перестал понимать вообще что-либо. Она открылась для меня с новой стороны. В ее безапелляционном желании продолжить работу почувствовалась какая-то деловая хватка. Во всех ее ис-

ториях о подругах, тусовках, походах в клуб и поездках в дорогие рестораны на еще более дорогих машинах она представилась мне весьма ветреной и инфантильной особой, не готовой ни к чему, что не приносило бы ей полного удовлетворения, причем здесь и сейчас. Тем сильнее меня удивило ее уверенное желание продолжить наши встречи. В ее твердом голосе я ощутил вдруг невероятную цепкость. Цепкость не ума, а ту природную инстинктивную цепкость «в моменты», только и позволяющую выживать в дикой природе.

Как обезьянка молниеносно выдергивает у зазевавшегося туриста телефон или фотоаппарат-мыльницу. Она не знает, что это такое. Это идет не от ума. Скорее, от смеси исследовательского инстинкта и озорного каприза обладать диковинной вещью.

Мы договорились на следующий вторник. Пока она собирала свои вещи, к ней стремительно возвращалась легкость и беззаботность. Попрощавшись, она, освещая своим ликом полутемный коридор, удалилась прочь.

Почему-то у меня не было никаких сомнений в том, что этим вечером главной темой всех телефонных разговоров и встреч с подругами будет сегодняшнее начало работы с собственным «коучером». Хотя это были лишь мои интерпретации сложившейся на нее проекции.

После ее ухода я полностью погрузился в анализ сегодняшней встречи. Одним из основных выводов этой рефлексии стало осознание того, что я ринулся коучить ее, не про-

яснив с ней изначально, что мы оба понимаем под коучингом, как видим его и что это такое для каждого из нас. Абсолютно детский просчет. Основная ошибка, быть может, состояла в том, что я отнесся к ней как к «профессиональному» клиенту. Который уже потратил некоторое время на понимание, для чего и зачем люди прибегают к помощи консультантов. И чем отличается коучинг, терапия и, например, психоанализ. Таким образом, мне подумалось, что с этого и следует начать нашу следующую сессию.

Озарив светлым лучом смысла это темное царство, я закончил свой рабочий день.

* * *

– Ну всё, пока. Я перезвоню тебе потом. Он уже идет, – быстро проговорила она кому-то в мобильник. Кинула розовый iPhone в сумку. И, улыбаясь, двинулась мне навстречу.

Наша вторая сессия началась с моего вопроса:

– Мадина, а как ты вообще узнала про коучинг?

В ответ полилась очередная история, долгая и подробная, о том, как-кто-где-когда и с кем, по чем, в чем и на чем.

Я же отдался слушанию, лишь изредка вставляя одни и те же, все повторяющиеся вопросы: «И в чем здесь смысл для тебя?», «И тогда с тобой что?», «И как ты к этому относишься?», «И какие чувства у тебя это вызвало?» и т. д.

Несмотря на все мои попытки замедлиться, заглубиться

и пойти в сутевые вещи, она выпрыгивала, как выпрыгивает пластмассовый поплавок из плотной морской воды. И чем глубже я порой пытался ее погрузить, тем выше и быстрее она выпрыгивала на поверхность. В конце концов я окончательно бросил это занятие. Я сосредоточился на тех смыслах и ценностях, что были в ее историях. Сфокусировался на поиске той связующей нити, которая бы пронизывала все ее рассказы.

В этот раз она уходила много довольнее своей работой с «коучером». Он не докучал ей приставучими вопросами. Был очень внимательным слушателем. И своим присутствием, поддержкой и пониманием лишь способствовал проявиться во всех красках многообразию ее жизни, тех людей и событий, которые ее окружали.

Мы договорились о следующей встрече, и я, оставшись наедине с собой, принялся конспектировать ее рассказы. По моему субъективному мнению, мы не особо куда продвинулись. И, отработав в очередной раз внутри себя тему ответственности перед клиентом и грань между терапией и коучингом (а она обратилась ко мне именно за последним), попытался сшить в единый портрет ее историю. Благо информации за две встречи у меня теперь было море.

* * *

Мадина была из обычной семьи со средним достатком.

Мама, папа, она – единственный ребенок в семье. Основные усилия родителей были направлены на то, чтобы дочка имела диплом как можно более престижного вуза. Было абсолютно не важно, отвечало ли это способностям и интересам дочери. Хотя, видимо, отвечало. Она не особо осознала, что такое независимость и самостоятельный заработок, да и не стремилась к ним. Главное ее желание сводилось к тому, чтобы быть в обойме золотой молодежи в надежде, что подвернется шанс оттолкнуться от не очень устойчивой семейной платформы и взлететь на олимп, где можно... О том, что там можно, конкретного представления не было. Туда просто очень хотелось. Хотя олимп и заключался в весьма определенных вещах, они имели свои названия, артикулы, объемы двигателей, имели четкую цену и адреса пунктов продаж по городу и некоторые координаты по мировым курортам.

Она работала администратором в одном из элитных салонов. Ее диплома по мировой экономике было, конечно, недостаточно для данной должности. Но это с лихвой перекрывалось многолетним личным опытом использования подавляющего числа услуг подобных салонов. И если вдруг не хватало личного опыта для понимания каких-то нюансов «тюнинга», то в памяти обязательно возникала история одной из многочисленных подруг, у которой «так уже было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.